

Переворачиваясь с боку на бок и уже взмокнув от пота, Фан Минцзюэ всё ещё не мог заснуть. Он сел на кровати, открыл рот, но передумал и решил не беспокоить Сяо Дэцзы.

Фан Минцзюэ достал все ручные грелки, осмотрел их, оставил две, а остальные положил на низкий столик, после чего снова лёг.

Через некоторое время ему снова показалось, что стало прохладно. Он открыл глаза, протянул руку, взял одну грелку и засунул её под одеяло. Но потом, видимо, стало слишком жарко. Он подумал и снова убрал грелку. Однако затем опять почувствовал холод...

Он то доставал грелку, то убирал её обратно, постоянно пытаясь найти идеальную температуру.

Уже близилась глубокая ночь, а Фан Минцзюэ всё ещё не мог настроить комфортный тепловой режим. В конце концов он повалился на кровать и с отчаянием сдался.

Некоторое время он лежал с открытыми глазами, затем, смирившись, поднялся и принялся рыться в сундуках. Он вытащил ряд маленьких глиняных фигурок, слепленных генералом Сяо Цянем, и расставил их на низком столике у изголовья кровати. Сяо Цянь лепил их по своему подобию, и хотя даже нос с глазами было не разобрать, по позам было ясно: вот он читает, вот пишет указы, а вот — набил рот едой, и щёки раздулись.

Понаблюдав за ними какое-то время, он, кажется, начал дремать, но всё равно чувствовал, что чего-то не хватает.

Фан Минцзюэ обошёл внутренние покои, открыл гардероб, вытащил верхний халат Сяо Цяня и прижал его к груди.

Однако, не успев как следует согреть, юный император счёл это неподходящим, вернул халат на место и взял вместо него нижнюю рубашку. Вдохнув свежий запах мыльных орехов, он с чувством глубокого удовлетворения залез под одеяло.

Наконец-то уснул. Услышав, что внутри стихло, Сяо Дэцзы за дверь, с трудом удерживая отяжелевшие веки, с горькой мыслью отметил про себя, что господин наконец заснул.

Фан Минцзюэ ворочался без сна, а генералу Сяо Цяню тоже приходилось несладко.

К этому времени уже рассвело, и он уже отъехал от столицы на добрую сотню ли, мчась во весь опор. Деревья мелькали по обе стороны, утренний туман готов был рассеяться.

Густой иней и роса пропитали его одежду, оседая на плечах и спине. Длинные брови покрылись изморозью, с которой осыпались ледяные кристаллики, неся лёгкую, пронизывающую прохладу.

За ним следовали три или четыре человека. Мало, но все — отменные бойцы.

И, неизвестно, намеренно или нет, но Сунь Чанъи выбрал именно старых сослуживцев Сяо Цяня, тех, что некогда служили в армии Великой Цзинь. Одним из них был Цзо Мэнцин, их предводитель, здоровенный крепыш, который, однако, казалось, особенно боялся холода. Он закутался, словно толстый ком теста, и всё равно дрожал.

— Сяо... Сяо брат, — Цзо Мэнцин поравнялся с Сяо Цянем, его зубы выбивали дробь от холода, — это... это чертовски холодно! Когда переправимся через реку Цюй, напоим коней, а сами

выпьём горячего бульона, а?

Длинные волосы Сяо Цяня были зачёсаны назад, на голове — широкополая шляпа, отбрасывающая тень, скрывавшую половину лица. Он бросил взгляд на Цзо Мэнцина и усмехнулся:

— Мы не пойдём через Цюй.

Цзо Мэнцин тоже опешил:

— Разве река Цюй — не единственный путь из округа Бэйюань в Ляодун?

— Кто сказал, что мы идём через Бэйюань? — Сяо Цянь выдохнул тонкую струйку пара. — Через Бэйюань слишком долго, да и купцов с чиновниками там много, легко привлечь внимание. Пойдём другой дорогой, через Долину Глаз Феникса.

Лицо Цзо Мэнцина позеленело от изумления:

— Твою мать! Братан, это же глухомань на сотни ли, там даже справить нужду-то негде! Ты совсем рехнулся?

— Неженка, — Сяо Цянь холодно взглянул на него, — там есть почтовые станции.

Какой ещё неженка!

Цзо Мэнцин хотел было огрызнуться, но, открыв рот, снова его закрыл. Ему почудилось, будто в этом взгляде он уловил... убийственную холодность?

Тьфу, почудилось.

Земля Ляодуна — не самое благодатное место, можно сказать, глушь, порождающая отпетых негодяев.

Даже в самых оживлённых городах воры и разбойники свирепствуют, и никакие запреты не помогают. Эти преступники — словно лук-батун: срежешь один пучок, а на его месте уже лезет следующий. Учитель отбывает срок, а ученик занимает его место. Если всех их переловить, тюрьмы в управе наместника пришлось бы надстраивать в три раза.

Поэтому, когда Сяо Цянь приволок в гостиницу верёвку с привязанными к ней мелкими воришками, Цзо Мэнцин ничуть не удивился.

Четверо воришек шлёпнулись на пол, их руки были связаны одной верёвкой, так что они стали настоящими кузнечиками на одной нитке, неспособными вырваться. Воришек били до потери сознания, затем швыряли на пол, и они приходили в себя. Их судьба была полна злоключений, они обливались горькими слезами, дрожали, словно четыре жалких кочанчика капусты, и жались в угол.

— Что это такое? — Цзо Мэнцин и остальные мужчины в комнате переглянулись.

Сяо Цянь взглянул на него и беззвучно сказал: «Смотри».

Сказав это, он повернулся, притащил длинную скамью, уселся перед воришками, широко расставив ноги, и принял позу, более подобающую разбойнику, чем самому разбойнику.

Он щёлкнул пальцем, и арахис угодил прямо в лоб одному из воров. Тот задрожал, словно в лихорадке, и готов был уже разрыдаться и пасть ниц:

— Господин! Господин, смилуйтесь над нами, ничтожными... мы вас не узнали...

— Из какого клана? — Сяо Цянь закинул ногу на ногу.

Вор замер, глаза забегали. Он понял, что дела плохи — попался знающий человек.

— Я тебя спрашиваю! — Сяо Цянь притворился раздражённым и слегка пнул его.

Позади него несколько здоровенных мужчин, сидевших или стоявших, уставились на вора волчьими глазами. Тот понял, что выкрутиться не получится — силы явно неравны, — и сдался:

— Из... из клана Четвёртого господина Чана.

Кто такой этот Четвёртый господин Чан, Сяо Цянь понятия не имел, но на лице его выразилось полное понимание.

Он окинул всю эту мелкую шушеру взглядом, острым как нож, смерил их с ног до головы, затем приподнял уголок глаза и усмехнулся:

— Вас всех уже выпустили на дело? И на кого же вы положили глаз?

Скрывать тут было нечего, это был открытый секрет в воровском ремесле.

Вор хихикнул:

— Да тут знатный гость из столицы в город пожаловал.

— Он здесь уже некоторое время, а вы всё выжидаете, не действуете? — удивился Сяо Цянь.

Вор пояснил:

— Господин, вы, видно, не местный. Каждый год в это время на границе Ляоси и Ляодуна беспокойно, обычные купцы тоже на несколько дней приостанавливают дела. Знатный гость из столицы не может рисковать, вот и задержится в городе на четыре-пять дней, пока путь не очистится. В эти дни охрана слишком бдительна, а вот ночь перед отъездом — самое подходящее время для нашего брата.

Сяо Цянь фыркнул:

— А вы, ребята, хитры.

Вор осклабился. Видя, что у Сяо Цяня нет злого умысла, он уже почти перестал бояться:

— Господин, можно водички? Гляньте, губы у меня в восемь трещин раскололись, и говорить неудобно.

Сяо Цянь приподнял веко, сам налил ему чашку чая и протянул:

— А тебя как звать-то?

Вор с жадностью глотнул воды, вытер рот и ответил:

— Я сирота, имени нет. Четвёртый господин Чан оказал честь, дал прозвище — Чжэн Цянь.

Имя было до откровенности прямолинейным.

Сяо Цянь сдержал улыбку в уголках губ и продолжил раскупоривать вора. Молодой парнишка, только-только начинающий свой путь, и рядом не стоял с трёхтысячелетним лисом, и вскоре попался на крючок.

Их верёвки развязали, они уселись на скамьи, а Цзо Мэнцин сбегал вниз и притащил кувшин вина. Несколько мужиков уселись вокруг, над жаровней жарилась баранья нога, подогревалось вино, в процессе обмена тостами они уже обнимались за плечи и называли друг друга братьями.

— Брат, не то чтобы я хвастал... но в Ляодуне нет такого, чего бы я, Чжэн Цянь, не смог разузнать! — после трёх глотков этого обезьяньего пойла Чжэн Цянь уже наполовину сбросил охрану.

И дело не в чём-то другом. Просто если бы эти люди хотели их обмануть или причинить вред, им не нужно было бы так церемониться. В Ляодуне царил хаос, нераскрытых убийств было пруд пруди. Эти парни явно видали виды, и жизнь парочки воров для них — суцзя безделица.

Хорошо накормив и напоив их, да к тому же не имея конфликта интересов, Чжэн Цянь готов был говорить обо всём на свете. Разгорячившись, он даже продемонстрировал своим новоиспечённым братьям несколько своих коронных приёмов.

Когда атмосфера достигла пика, Сяо Цянь и Цзо Мэнцин обменялись взглядами. Цзо Мэнцин нахмурился, и на его лице появилась горькая улыбка:

— Братец, по правде говоря, нам как раз нужно, чтобы ты указал нам верный путь.

Чжэн Цянь, уже изрядно подвыпивший, распахнул глаза:

— Брат... говори!

Цзо Мэнцин сказал:

— Мы, братья, раньше в Ляоси на жалованье служили, потом надоело, сошли на покой, стали вольными казаками. Накопили немного деньжонок, да быстро прокутили. Вот и думаем на севере кусок хлеба найти. Случайно вас, братьев, связали — это мы, молодые да горячие, погорячились. Братец, приношу извинения, выпью три чашки в наказание!

— Эй, брат, пустяки, пустяки! — Чжэн Цянь остановил его, обняв за плечи.

Остальные трое воров только и делали, что ели и пили, совершенно не обращая внимания на эту сторону. Видимо, все они были подручными Чжэн Цяня.

— Брат... хотите, чтобы я вам дорогу указал, да? — Чжэн Цянь прикрыл глаза.

Сяо Цянь вовремя налил ему ещё чашку вина и пододвинул туго набитый кошелек:

— Брат Чжэн, честно говоря, мы тоже на этого столичного гостя глаз положили.

Чжэн Цянь поднял голову, и хмель у него в голове прояснился на семь десятых.

<http://bllate.org/book/16207/1454759>